

Трудно найти единственного,
если нравишься всем

Незаурядная Маша Иванова

Мария Кострова

Мария Кострова
Незаурядная Маша Иванова
Серия «Зимняя романтика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32507376

Незаурядная Маша Иванова / Мария Кострова: SelfPub; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-168343-6

Аннотация

Представь, что в тебя моментально влюбляются все парни, встреченные в школе, в универе, в кафе и даже на кассе магазина! Тебе бы понравилась такая суперспособность? А вот Маше Ивановой, обычной московской девчонке, она только портит жизнь! Ведь мало того, что совсем не хочется строить отношения на основании "любовного морока", так ещё и всё легко разрушить, всего лишь поцеловав парня! Как тут встретить свою настоящую любовь и остаться с ним вместе навсегда?! Впрочем, Маше это обязательно удастся. Недаром она такая незаурядная...

Содержание

Глава 1. Пустой универ. Сейчас	5
Глава 2. Сепарация подруги. Сейчас	13
Глава 3. Снова в школу. Тогда	21
Глава 4. Чужой жених. Сейчас	32
Глава 5. Триумвират влюбленных. Тогда	40
Глава 6. Неожиданное признание. Сейчас	50
Глава 7. Свидание в кино. Тогда	60
Глава 8. Свидание в зоопарке. Тогда	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Мария Кострова

Незаурядная

Маша Иванова

© Мария Кострова, 2024

В оформлении макета использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

© С. Абрамова, иллюстрации на обложку

© ООО «Издательство АСТ», 2024

*** * ***

Глава 1. Пустой универ. *Сейчас*

Первое сентября. В воздухе звенело предвкушение чего-то нового. Неизведанных интересных знаний, незнакомых знаковых людей, непредсказуемых важных событий. Скоро зашуршат под ногами золотые листья. Но пока что все зелено и свежо. «Даже слишком свежо!» – подумала Маша, зябко кутаясь в розовый кашемировый палантин, который сначала и брать-то не хотела. Схватила, уже выбегая из квартиры, потому что мама кричала, мол, на дворе «не май ме-

сяц» и дочка там замерзнет. И, как всегда, оказалась права. Почему-то это странное явление – замораживание всех живых существ, имеющих смелость приступить к новому учебному году, – происходит в природе каждый год. Еще вчера солнце палило совсем по-летнему, на городских пляжах наблюдался ажиотаж, а мороженое купалось в зените своей сезонной славы. А уже сегодня Маше показалось, что по дороге к университету она видела изморозь на траве. Впрочем, может, и не показалось...

Нынешний День знаний выпал на пятницу, так что Маша сильно сомневалась, что к первой паре придет еще кто-то кроме нее. Да и ко второй тоже – все же четвертый курс бакалавриата. Все персонажи раскрыты, все расклады понятны, зачетка работает на студента. «Пожалуй, и в понедельник приползет в лучшем случае половина потока», – с этими мыслями девушка добралась до горячо любимого светло-желтого здания Лингвистического университета на Остоженке. Она обожала этот особняк не только за более чем двухвековую историю, уютное расположение и тихий сквер, но и за его противоречивость, так откликающуюся девичьей душе. Фасад трехэтажной усадьбы сочетал в себе классический портик из десяти белых колонн с коринфскими капителями, львиные маски в обрамлении окон, лепные розетки и – неожиданно, но органично – огромный советский герб, появившийся здесь после революции. Маше казалось, что каждый человек на планете – немножечко этот особняк, ведь

в нас перемешаны истории предков, установки родителей, личный опыт и убеждения современников. Без всего этого мы уже будем не мы, и отделить одно от другого, сказав, что какая-то деталь важнее, а какая-то вовсе не нужна, невозможно. Выдернешь что-то – и вот уже прекрасное здание уникальной личности перекошилось и угрожающе накренилось в сторону небытия.

Маша поднялась на второй этаж и свернула налево. Переводческий факультет встретил ее полной тишиной, если не считать стука каблучков ее новеньких бежевых ботильонов о выдавший виды старинный паркет. Высокая коричневая дверь, неподвластная движению лет и пропитанная солью слез студентов всех времен, была плотно закрыта. Девушка подергала ручку – не открывается. Кажется, первое сентября, выпавшее на пятницу, решили проигнорировать не только студенты, но и преподаватели.

– Никого? – раздалось за Машиной спиной, отчего она чуть не подпрыгнула.

Катька Котова, а это была именно она, – высокая темно-волосая однокурсница с острым носиком и таким же языком, всегда умела взбодрить.

– Ты зачем подкрадываешься? – Маша все еще держала руку возле сердца, ощущая подскочивший пульс.

– Даже не думала. Просто я в кроссах, вот ты и не услышала шагов, – легко оправдалась девушка. – Ну что, будем ломиться во все двери или лучше кофе попьем?

– Кофе. И погорячее. Я пока сюда дошла, чуть не окоченела.

Катя окинула подругу цепким взглядом карих глаз: русые волосы до плеч, яркие голубые глаза, минимум макияжа, только обычно нежно-розовые пухлые губы и правда отдавали синевой.

– Ну а что ты в платье-то легком приперлась? – не церемонясь, спросила однокурсница. – Где куртка или плащ? – Сама она была одета в темно-синие джинсы, легкий белый свитер и вполне себе теплую кожаную куртку.

– У меня вот, палантин... – Маша плотнее замотала вокруг плеч мягкий широкий шарф.

– Палантин хорош для теплых южных вечеров, а для московской осени категорически не подходит.

– Завтра опять обещали потепление.

– Да? Вот и отлично. Посидим в кафе до завтра, – хихикнула Катя и отправилась в сторону выхода.

В доме через дорогу за большими видовыми окнами манили теплом желтые круглые светильники. Официанты разносили на подносах источающие пар прозрачные чайники с напитками всех цветов и вкусов: облепиховые, манго, мятные; маленькие чашки с крепким кофе и высокие стаканы молочного латте с пенкой.

– Надо было сразу сюда идти. – Маша сидела за небольшим столиком у окна и блаженно улыбалась, обняв руками

горячий чайник чая с чабрецом, который перед ней только что поставила официантка.

– Надо было сегодня вообще не приходить, – резонно заметила Катя, отхлебывая из гигантской плошки с ручкой, именовавшейся в меню скромным словом «чашка», до краев наполненной капучино с корицей. – Ну что, как прошло лето?

– В целом неплохо. Папе удалили аппендицит. Теперь он говорит, что чувствует, как его внутренние органы борются за освободившееся место. Мама два месяца после операции хлопотала возле него, баловала. Устала и просится на море.

– Ну а ты? Много мужчин в себя влюбила?

Маша задумалась. Она уже давно перестала считать количество пристальных взглядов, смелых предложений и навязчивых приглашений со стороны противоположного пола. Даже, кажется, стала меньше замечать всю эту суету. Наверное, это стало рутиной, и теперь, чтобы Маша обратила на парня внимание и запомнила его, тому нужно сделать что-то по-настоящему необычное.

– Девушка, это вам, – вывела Машу из задумчивости официантка. Она протягивала ей клочок белой бумаги и стакан апельсинового сока.

Маша кивнула, принимая подарок.

– Что там? – вытянула шею Катя, когда подруга раскрыла записку.

«Ты – словно яркий солнечный луч на пасмурном небе.

Можно подойти?» – прочла Маша.

– От кого это? – спросила она у официантки.

– Вон от того мужчины.

Девушка указала на столик в дальнем углу, откуда им помахал усатый мужчина средних лет, одетый в строгий синий костюм в едва заметную белую полоску. Усатик радостно улыбнулся, сверкнув такими белыми зубами, что в их керамической природе не осталось ни малейшего сомнения. Одними губами мужчина повторил свой вопрос: «Можно?»

Маша отрицательно покачала головой. Улыбка на лице мужчины погасла.

– Я уж за лето и забыла, как это бывает, когда с тобой в общественных местах появляешься, – задумчиво протянула Катя, отхлебывая капучино. – Машка, какая ж я тупица! – она вдруг ударила себя по лбу.

– Подумаешь, усы не вытерла от пенки! Что сразу тупица-то?

– Да я не об этом. Кстати, спасибо, что сказала. – Девушка вытерла рот салфеткой. – Мне ж Никита предложение сделал!

Маша застыла с поднесенной к губам чашкой. Отношения Кати и Никиты длились вот уже три года. Парня однокурсницы она никогда не видела, но об их истории, в которой были взлеты и падения, страсти и показное равнодушие, была наслышана. И Маше казалось, что еще недавно не было даже никакого намека на то, что все это может обернуться

свадьбой.

– Поздравляю! Ты сказала «да»?

– Ну, вроде... – однокурсница как-то странно на нее смотрела. – А вот теперь думаю: что, если ему попадется такая, как ты? Мимо которой сложно пройти, не влюбившись?

– Таких больше нет, – весело отмахнулась Маша, – стой. Ты что, серьезно?

– Более чем.

– Если боишься, можешь не приглашать меня на свадьбу.

– Ну уж нет. Мир тесен. Не на свадьбе, так еще где-нибудь увидите. И – пиши пропало.

– Кать, ну ты что? Ты же знаешь, процент влюбляющихся-то невелик! Особенно если только мельком увидеться и не общаться. Если я его встречу, максимум поздороваюсь – и деру! Обещаю.

– А знаешь что... – кажется, Катя ее не слушала и продолжала смотреть с прищуром. – Лучше познакомься с ним до свадьбы. А еще лучше – сходите куда-нибудь вместе.

– 3-3-зачем? – Маша почувствовала подвох.

– Чтобы я точно знала, чего от него ожидать. Любит ли он меня по-настоящему? Настолько, чтобы не страшно было замуж за него пойти.

– Сурово ты с ним, Кать.

– Нормально.

– Я против. Никуда я с твоим Никитой не пойду.

– А я говорю – пойдешь! – сказала, как отрезала, Кать-

ка и отхлебнула большой глоток кофе, снова пропечатав на верхней губе пенкой залихватские усы. Почти такие же, какие носил мужчина в синем костюме в едва различимую белую полосу, грустно уткнувшийся в свой планшет за столиком в углу.

Глава 2. Сепарация подруги. *Сейчас*

После вчерашней встречи с Катей, которая ни в какую не принимала отказ от идеи проверять своего будущего супруга на стойкость, Маша решила провести выходной в компании Олеси и попросить ее мудрого совета. Они дружили еще со школьных времен и, даже поступив в *разные* вузы, никогда не теряли друг друга из вида.

Когда утром Маша позвонила подруге и собралась попросить ее об услуге, выяснилось, что Олесе тоже срочно нужна

помощь. Девушка решила наконец сепарироваться от родителей. Проще говоря, переехать. За неделю Олеся подобрала для себя небольшую съемную квартирку в том же районе («к маме на борщ заходить – святое дело») и запланировала на выходные упаковку вещей в коробки с дальнейшей их доставкой на новое место жительства.

– Это ты тоже берешь с собой? – Маша сидела на полу Олесиной комнаты, изобилующей девичьими элементами декора, и аккуратно складывала в картонную тару безделушки, некогда стоявшие на небольшом изящном розовом комоде возле кровати. Вопрос возник относительно выцветшего на солнце мятого чека, вставленного в небольшую белую рамку под стекло.

– Конечно! – отозвалась подруга с жаром. – Это же чек за первую брендовую вещь, которую я купила сама, без помощи родителей.

– Да? – Маша пристальнее взгляделась в столь знаковый фискальный документ. – А где деньги взяла?

– Накопила с подарков на дни рождения.

– Неплохо... – Маша попыталась разглядеть, на что именно были потрачены скопленные Олесей деньрожденческие купюры, но время и ультрафиолет не пожалели ни букв, ни цифр на памятном клочке бумаги.

Девушка всегда удивлялась любви подруги к шопингу, желанию обладать брендовыми (и не очень) вещами, стремлению быть в тренде. Сама она таким похвастаться не мог-

ла. Наверное, поэтому Маша мечтала переводить книги на французский язык, а Олеся – деньги на всякую ерунду. Однажды Маша спросила подругу, которая, кстати, и учиться-то пошла на товароведа, чтобы потом работать менеджером по закупкам (само собой, оптовым), зачем она живет? На что та не задумываясь ответила, что видела классную кофточку на витрине бутика в Третьяковском проезде и хочет ее купить. «Все умозрительное – фикция, – философствовала тогда Олеся. – А кофточка – мягкая и всамделишная». И в ее словах подруга признала наличие сермяжной, а точнее хлопчатобумажной, правды.

Маша бережно положила рамку в коробку, встала на ноги и размяла затекшую спину.

– А как мы все это потащим? – кивнула она на сложенные вдоль стенки коробки, уже нагруженные личными вещами, одеждой и обувью переезжающей девушки.

– Ну... я думала, что парня какого-нибудь попросим.

– Какого?

– Какого-нибудь покрепче.

– А где мы его найдем?

– Как где? На улице! Я тебя поэтому и позвала. Сейчас пойдем прогуляемся, встретим какого-нибудь молодого человека, а лучше двух. Ты их околдуешь, попросишь тебе помочь – и дело в шляпе.

Маша вытаращилась на подругу.

– Ты хочешь использовать мою способность влюблять

мужчин для того, чтобы сэкономить на грузчике?

– А что такого?

– Я все чаще чувствую себя микроволновкой.

Маша вздохнула и снова плюхнулась на пол рядом с коробкой.

– В смысле?

– Знаешь, у нее ведь много функций – и разморозка, и гриль – а все используют ее только для того, чтобы разогревать еду.

– Э-э, что-то я не улавливаю...

– Я ведь разносторонняя личность, понимаешь? С кучей разных особенностей, заветных желаний, разнообразных целей... А всем от меня нужен только мой дар.

Олеся присела рядом, расправила юбку-солнце своего дорогого синего бархатного платья, которое так шло к ее большим серым глазам, и виновато посмотрела на подругу.

– Ты права. Прости. Это очень эгоистично с моей стороны – заставлять тебя растрачивать свою уникальную способность на такие мелочные цели.

– Не будем искать парня покрепче?

– Не будем. Сами перетаскаем.

Маша скептически посмотрела на подругу, перевела взгляд на внушительную стопку коробок и обратно.

– Ты ж так до завтрашнего вечера не переедешь!

– А куда спешить? – хмыкнула Олеся.

Сбрасывая с рук на пушистый белый ковер, лежащий по центру небольшой, но уютной студии – нового жилища Олеси – очередную коробку с ее вещами, Маша малодушно подумала, что уже и сама не прочь поискать на улице какого-нибудь крепкого парнишку. В конце концов, вдруг он окажется ее судьбой и дар будет использован не ради баловства, а ради самого что ни на есть настоящего человеческого счастья.

Маша тряхнула головой, отгоняя эту подлую мыслишку. В конце концов, осталось сгонять еще пару-тройку раз туда и обратно, и переезд будет завершен. Представив, что после этого нужно будет вскрывать все коробки и расставлять вещи по новым местам, Маша застонала.

– Ты чего? Руки болят? – участливо спросила Олеся. Она тоже выглядела не лучшим образом: длинные белые волосы неопрятно разметались по плечам и спине, а часть прядок и вовсе прилипла к вспотевшему лицу и шее, подол бархатного платья помялся, а белые манжеты на рукавах посерели от пыли.

– Может, сделаем перерыв?

– Отличная мысль. Я как раз в прошлый наш рейс принесла кофемашину. Сейчас заварю нам по чашечке кофе.

– А чашки мы принесли?

– Нет... Но где-то в коробках должны быть глубокие тарелки ...

– Спасибо за помощь, ты – настоящая подруга, – поблагодарила Олеся, усевшись с ногами на подоконник и попивая кофе из миски для супа.

– Не могу сказать, что делала это с большим удовольствием, но все же рада помочь, – ответила Маша, восседая на единственной в комнате табуретке. Как радушная хозяйка, Олеся предложила этот роскошный предмет мебели гостье.

– Понимаю. И знай, если тебе нужна будет моя помощь, я всегда...

– Нужна! Олеська, мне ведь нужна твоя помощь! – встрепенулась девушка. – Я с этой мыслью пришла к тебе сегодня утром, но вещи, коробки и гудящие ноги вытеснили из головы все прочее.

– Так. Говори, что случилось. – Подруга заинтригованно наклонилась вперед.

– Моя одногруппница Катя, помнишь ее?

– Высокая брюнетка с короткой стрижкой?

Маша кивнула.

– Помню.

– Так вот, она хочет, чтобы я проверила ее жениха.

Олеська неделикатно присвистнула.

– А что за жених?

– Никита. Они вместе три года, и вот он сделал ей предложение.

– Сочувствую парню.

– Почему?

– Мне кажется, Катька не особо уравновешенная. Или неуравновешенная особа – как тебе больше нравится.

– Ну, она взбалмошная, но неплохая. И как товарищ по учебе меня вполне устраивала. Пока вот не предложила мне пойти на свидание с Никитой.

– А чем она аргументировала эту необходимость?

– Своим спокойствием. Типа «нельзя выходить замуж, зная, что он в любой момент может встретиться с Машей Ивановой и влюбиться в нее без памяти».

– А если он влюбится без памяти до свадьбы – это будет лучше?

Маша пожала плечами.

– Я не знаю, что делать. В последний раз я встречалась с кем-то по заказу в десятом классе. Это плохо кончилось. Мне даже пришлось перейти в другую школу.

– Ого! Так вот из-за чего ты перешла? А я думала, из-за французского, в нашей же школе его не преподавали.

– Из-за него тоже. Но прежде всего я не могла больше видеть нашу биологичку.

– О, Людмила Георгиевна! Она всегда тебя ненавидела.

– Не всегда. Только с шестого класса, когда моя способность впервые дала о себе знать.

– То есть дар легко влюблять в себя почти всех мужчин, как мимолетно встретившихся, так и изрядно пообщавшихся, – это у тебя не с рождения?

– Я вообще не знаю, откуда он у меня. Мама даже водила

меня однажды к гипнотизеру, чтобы это выяснить.

– Ого! Сработало?

– Ну, во время сеанса я вспомнила, как сижу в песочнице, а рядом чудесный кудрявый мальчик, который дает мне поиграть со своим синим совочком. Я счастливая, делаю куличики в виде паровозика, а потом приходит девочка в белых бантах, и мальчик отнимает совочек у меня, чтобы отдать ей.

– Вот гад!

– Может быть, тогда я тоже так подумала и захотела всегда нравиться мальчикам больше, чем другие девочки. Но это не точно.

– А что сказал гипнотизер?

– Попросил у мамы мой телефончик и разрешение пригласить ее дочь куда-нибудь.

Со стороны подоконника раздался гогот. От смеха Олеся подавилась кофе так, что он пошел у нее носом.

Глава 3. Снова в школу. *Тогда*

Это было очень волнительное утро. Родители впервые – по ее же просьбе – не пошли с Машей на школьную линейку. Правда, от теплого коричневого пальто («там же похолодало!») и вязаного белого берета («тебе очень идет!») ей все же отвертеться не удалось. До школы было не так далеко, да и шагать одной прохладным, но солнечным сентябрьским утром было весьма приятно.

– Иванова! – Олеся Новикова увидела подругу издалека

и всю махала ей букетом огромных, чуть ли не с саму девочку, гладиолусов.

– Привет, Олесь, как дела? – спросила Маша, как только подруга и ее гигантский букет достаточно приблизились.

– Отлично. А ты тоже родаков слила?

Маша осторожно покосилась за спину: не идут ли мама с папой за ней, не услышат ли, что говорит про них Олесь? Подруга поймала ее взгляд и засмеялась.

– Да расслабься, они тебя не преследуют.

Маша кивнула и тоже рассмеялась. Как здорово было чувствовать себя взрослой самостоятельной персоной и после долгой разлуки снова встретить близкого по духу человека, с которым можно вместе от души посмеяться. А впереди! От смутного осознания краешком души, сколько волшебных приключений ждет ее на пути во взрослую жизнь, перехватывало дыхание.

Ближе к школе поток детей с цветами и портфелями становился все плотнее. Олесь даже взяла Машу за руку, чтобы они не потеряли друг друга, пока ищут свой класс и Людмилу Георгиевну с табличкой шестого «В». Впереди виднелось родное школьное бежево-желтое здание за уютным забором со столбами, увенчанными остроконечными коричневыми шляпками, напоминавшими крыши китайских пагод. Маша с Олесей протиснулись сквозь ворота в небольшой школьный двор и, отыскав глазами своих, присоединились к ребятам, ожидающим торжественной речи директора и первого

звонка в исполнении крохотной девчонки-первоклашки, сидящей на плечах огромного (по сравнению с ней) будущего выпускника с тонкой полоской легких, как пух, усиков над губой.

– Маша, привет! – рядом с ухом раздался басовитый голос Пети Краснова. – Отлично выглядишь.

Маша опустила глаза и поправила берет. Настроение еще больше взлетело ввысь.

– А я? – надула губки Олеся.

– И ты тоже. Но это Маше. – Петя зачем-то вложил ей в руку деревянную палку, сверху которой красовалась фанерная табличка с надписью «б “В”».

– Это зачем? – удивилась Маша.

– Я цветы дома забыл. Вот, дарю табличку, – улыбнулся Краснов.

Пока Маша решала, стоит ли поблагодарить одноклассника за такой подарок, табличку из ее рук резко выдернули.

– Стройся! – проорала Людмила Георгиевна, сверкнув глазами на Машу с Олесей.

– Ладонь мне деревяшкой обожгла, – тихо пожаловалась Маша подруге.

– Может, не дарить ей цветы? – так же тихо отозвалась Олеся. – Обойдется!

– Лучше не обострай.

– Маша, это тебе, – поблизости оказался Валя Арбузов. Он вручил однокласснице букет белых роз.

– Маша, вот, – это Ваня Богданов и его букет розово-фиолетовых астр.

– Маш, а ромашки любишь? – Олег Захаров протянул яркую и сочную, как само лето, луговую композицию.

– Люблю, спасибо... – Девочка выглядела ошалевшей. Все букеты пахли одурманивающе: розы – медом, ромашки – солнцем, астры – сказкой. Сердце Маши радостно забилось.

– Спасибо, что подержала мои цветы, – натянутая улыбка Людмилы Георгиевны больше походила на оскал. Она требовательно протянула обе руки к Маше, и той ничего не оставалось делать, как передать все подаренные ребятами букеты ей.

– В класс! – прогремела учительница, и под аккомпанемент первого звонка шестой «В» поплелся на урок.

Весь учебный год Маша пыталась наладить отношения с биологичкой. Делала все домашние задания, ходила на дополнительные уроки, выступала с докладами, но ничего не помогало. Людмила Георгиевна будто бы задалась целью извести Иванову и упорно к этому шла. Причем весьма успешно, поскольку, даже если ученик знает весь материал из учебника, всегда найдется другой учебник – из которого ученик знает не все.

Вот и сегодня со стороны учительского стола раздалось привычное «Иванова, к доске!».

– Ну что, будешь исправлять свою двойку? – Людмила Ге-

оргиевна старалась казаться ласковее, но злосчастные букеты полугодичной свежести не выходили у нее из головы.

– Буду... – пропищала Маша, встала у доски и сдула непослушную челку, упавшую ей на глаза.

В классе раздалось как минимум три очарованных вздоха. Людмила Георгиевна зыркнула на парней, но опознать, кто именно вздыхал, не смогла.

– Тема урока – лишайники. Рассказывай.

– Лишайники, – Маша напрягла память. В конце концов, не ботаникой единой жили ученики этой школы, и учитель приходилось многое. Вчера, например, Маша до ночи готовила доклад по арабским племенам для исторического клуба. – Лишайники – это симбиотические ассоциации грибов и микроскопических зеленых водорослей...

– Та-а-а-к, – Людмила Георгиевна собиралась с мыслями, чтобы спросить что-нибудь не по учебнику. – Сколько тысяч видов насчитывает эта группа?

– Эта группа насчитывает... – Маша металась глазами по классу. Слава богу, Олеся, спрятавшись за учебник, показала ей сначала два пальца, а потом шесть.

– Двадцать шесть тысяч, – отрапортовала Маша.

Учительница снова коршуном всмотрелась в класс: кто подсказал? Все опустили глаза.

– Хорошо-о-о-о...

От этого «хорошо» Маше стало совсем плохо. Кажется, это было заметно по ее побледневшему лицу, потому что пе-

ред тем, как Людмила Георгиевна задала очередной вопрос, в воздух с задней парты взмыла рука Вали Арбузова.

– Людмила Георгиевна, можно выйти? – Голос у Вальки уже начал ломаться, поэтому разговаривать у него получалось немного скрипуче.

– Ну, выйди.

Валька, долговязый и длинноволосый, пошаркал мимо Машки к двери.

– Побыстрее можешь идти? – не выдержала учительница.

Валька попытался ускорить шаг и в три прыжка скрылся за дверью.

– Следующий вопрос. На какие группы делятся лишайники по внешнему виду?

– Накипные или корковые, листоватые. – Маша начала довольно бодро, но остановилась. Был еще третий вид. Маша точно знала, что был. Но какой? Она снова с мольбой посмотрела на Олесю. Та странно жестикулировала, показывая одним пальцем на свою бровь, а другим тыкая в сторону Людмилы Георгиевны. Маша, кажется, поняла намек.

– Кустистые! – радостно выдала она, ведь учительница и правда обладала выдающимися бровями, неопрятно торчавшими над глазами, словно колючие кусты шиповника.

– Хорошо-о-о-о... – противно выдохнула биологичка.

– Людмила Георгиевна, можно выйти? – руку поднял Петя Краснов. Он явно стеснялся, потому что его обычно бледное лицо сейчас сравнивалось по цвету с его яркими бронзовыми

волосами.

– Еще Валентин не вернулся!

– Я вернулся, – отрапортовал от двери Арбузов.

– Иди, Петя, – нехотя разрешила учительница.

Петя поплелся к двери, а Валя встречным курсом направился к своей парте.

– Следующий вопрос. – Биологичка еле дотерпела, пока Арбузов сел на место и перестал шаркать, укладывая под партой свои длинные ноги в коротких узких брюках и черных кедах. – Что такое...

Людмила Георгиевна не успела договорить, потому что в воздух взлетело сразу две руки. Богданову и Захарову срочно понадобилось выйти. Лицо учительницы пошло красными пятнами.

– Что вы сегодня засс... сс... столом посидеть не можете?! В смысле, за партой, – Кажется, женщина приближалась к нервному срыву. Впрочем, ее спас звонок. И Машу от очередной двойки, возможно, тоже.

– Иванова, – устало произнесла фамилию врага Людмила Георгиевна.

– Да, – девушка подошла поближе.

– Я тебе поставлю, так и быть, три.

– Как? Я же ответила на все вопросы!

Биологичка изогнула кустистую бровь.

– Хочешь четверку?

– Очень, – искренне призналась измученная этой затянув-

шейся биологической войной Маша.

– Тогда вымой кабинет и коридор. Все равно это был последний урок по расписанию.

– Но... – Маша хотела было признаться, что они с Олесей собирались после уроков поехать покататься на роликах. Ну, как покататься. Пока что Маша больше падала. Но признаться она передумала. Когда еще у нее выпадет шанс получить четверку по биологии?! – Я согласна.

– Вот и славно. Швабра – там, – указала на подсобку Людмила Георгиевна и отвернулась, показав тем самым, что разговор на сегодня – а может, и на ближайшие лет сто – окончен.

Кажется, в этом кабинете не убирались со времен изобретения швабры. Когда Маша согласилась все здесь вымыть, она и представить не могла, что это мероприятие затянется на долгие полтора часа. А ведь еще коридор! Маша мысленно застонала... Конечно, если бы она разрешила Новиковой остаться и помочь ей, дело бы пошло быстрее. Но Маша просто не могла отнять у подруги замечательную возможность покататься в только что открывшемся роллер-парке.

Маша выжала грязную тряпку в ведро и осмотрела кабинет. Парты – ровные, стулья сверху – чистые, доска блестит, пол сияет. Странно, но она даже испытала удовольствие от полученного результата. Не такое, конечно, как от катания на роликах, но тоже сойдет. Теперь пора браться за коридор.

Маша набрала в ведро чистой воды, как следует выжала жесткую серую тряпку и с размаху открыла дверь, выставив швабру вперед, так как намеревалась сразу же приступить к мытью полов. Но дверь наткнулась на препятствие, которое громко и страшно завопило. Кажется, от боли.

– Я тебя задела? – Маша отбросила швабру и подскочила к парню, который держался за ушибленный дверью лоб. Ей показалось, что она уже где-то видела эту темную копну волос, медового оттенка глаза и упрямый подбородок. «Логично, – мысленно усмехнулась она сама себе, – мы же в одной школе учимся, явно не раз встречались».

– Есть немного, – улыбнулся обладатель свежего синяка на лбу и протянул Маше руку. – Я – Дима.

– Маша, – ответила на рукопожатие девушка и тут же отдернула руку. – Мокрая!

– Да, прости, я тут пол мою. – Дима вытер ладонь о джинсы.

– Я думала, это только девчонок заставляют делать.

– Скорее всего, это зависит лишь от степени раздражения учителя, – усмехнулся парень. – Вот ты кого достала?

– Биологичку, – вздохнула Маша.

– А я – русичку... Светлана Владимировна мечтает, чтобы все только и делали, что склоняли и спрягали. Или еще – как там их? Деепричастия выделяли! А то, что у людей могут быть и другие интересы, ее не колышет.

– Деепричастия? Мы еще не проходили...

– А ты в каком классе?

– В шестом «В».

– А я – в седьмом «Б». Так что готовься, у тебя еще все впереди.

– Значит, тебя оставили тут полы мыть?

– Ну да.

– И меня. Давай поделим: ты возле окна мой, а я возле дверей буду, что скажешь?

Дима задумчиво сосредоточился на Машином лице, перевел взгляд на ее руки. Левая все еще сжимала уродливую тряпку.

– Да я сам все вымою. – Парень забрал тряпку у Маши. – У тебя от воды вон пальцы уже похожи на грецкий орех.

Девушка с удивлением поднесла руку к глазам.

– И правда... Скукожились, – улыбнулась Маша. – А у тебя, что ли, нет?

– Может, и да. Но мои не жалко, они к воде привыкшие. Я же плаванием занимаюсь. По две тренировки в день! – гордо выпятил сильную грудь Дима. – За это-то и огребаю от Светланы Владимировны, – добавил уже без удовольствия. – Ой, то есть получаю. «Огребаю» же нехорошее слово?

Маша пожала плечами.

– Вроде нормальное.

Парень обмакнул тряпку в ведро с водой, натянул ее на швабру и лихо замахал по полу, словно только этим всю жизнь и занимался. Маша застыла, залюбовавшись тем, как

под его белой рубашкой двигались крепкие мышцы рук и спины.

– А ты что домой-то не идешь? – Димка оперся на швабру и с широкой улыбкой посмотрел на девушку.

– Вместе пойдем. Когда закончим. То есть ты закончишь. И давай я тоже что-нибудь делать буду, а то я себя бездельницей ощущаю.

– А что делать? – Дима огляделся. – Вроде и нечего.

– Ну... как-нибудь подбадривать тебя буду.

– Это можно. У меня телефон сел, так что музыку поставить не могу. Ты петь умеешь?

– Средне.

– Ну хоть как. Спой что-нибудь.

– А это тебе поможет?

– Уверен, что да. – Дима закатал рукава рубашки повыше и снова принялся махать шваброй.

– Ты со шваброй как будто танцуешь, – восхитилась Маша. – Вот вам с ней тогда медлячок от Одри Хепберн.

И она романтично затянула: «Moon river wider than a mile, I'm crossing you in style some day...»¹

Вдохновившись мелодией, Дима принялся изображать вальс со шваброй и сам не заметил, как домыл весь коридор. И как влюбился в Машу.

¹ «Moon River», песня из к/ф «Завтрак у Тиффани» в исполнении Одри Хепберн, музыка Генри Манчини, слова Джонни Мерсера, 1961 г.

Глава 4. Чужой жених. *Сейчас*

Маша ждала Котову в маленькой забегаловке недалеко от Музыкального театра. Они с однокурсницей уже давно хотели сходить на «Итальянку в Алжире», и вот, наконец, Кате удалось купить билеты. Но, похоже, так и не удалось научиться приходить вовремя.

– Может, что-то еще? – поинтересовался из-за стойки бариста, глядя на то, как Маша уныло смотрит в свою опустевшую кофейную чашку.

– Нет, спасибо. Надеюсь, подруга вот-вот появится.

Бариста понимающе кивнул, а Маша перевела взгляд с чашки на прозрачную дверь. За ней гудел ветер, пугая своим низким басом ярко-оранжевые листья, шустро разлетающиеся от него в разные стороны. Над дверью тикали большие круглые часы со стрелками. На их циферблате красовалась картинка с чашкой кофе и пончиками. У Маши заурчало в животе. Пожалуй, не стоило так скоропалительно отвергать предложение баристы, тем более под стеклом у стойки на белых фарфоровых блюдечках лежали пышные пончики под малиновой глазурью, слоеные пирожные с сахарной посыпкой и поджаристые пирожки со сладкими начинками. Девушка сглотнула слюну и уже собиралась сползти с высокого стула, чтобы подойти и поплотнее ознакомиться с содержимым витрины, но тут дверь открылась, впустив в теплое помещение пару ошалевших от стремительного движения оранжевых листьев и Катю.

– Прости, прости! – с порога умоляюще прокричала девушка, расстегивая куртку.

Маша двинулась ей навстречу.

– Ты зачем куртку снимаешь? Нам уже в театр пора. После третьего звонка не пустят!

– Сейчас, сейчас. – Катя как-то странно и необоснованно нервничала. – Кое-кто еще должен...

На этих словах дверь снова открылась, и в кафешку шагнул высокий парень с волосами цвета соломы и в такого же

цвета плаще.

– Это Никита Соколов, мой жених, – тут же представила подошедшего молодого человека Катя. – А это моя однокурсница Маша. Я тебе о ней рассказывала.

– Очень приятно, – заторможенно ответила девушка на кивок и улыбку парня. Она кожей ощущала подвох, а нервами – бессилие предотвратить неизбежное.

– Машуль, – заискивающе начала Катя. – Я купила два билета. И тут звонит мне сегодня Игорь Палыч, ну, мой куратор по диплому.

– Я в курсе, кто это.

– Ну да. В общем, мне надо срочно к нему – обсудить вторую главу. Но билет-то жалко. Вот я и попросила Никиту сходить с тобой. Правильно?

Никита снова кивнул, подтверждая слова невесты.

– Ты совсем? – тихо сквозь зубы процедила Маша, стараясь, чтобы Никита не услышал, а также не прочел по губам. – Я же тебе твердо сказала «нет».

Катя издала нервный смешок и умоляюще посмотрела на подругу.

– Один разочек, – одними губами прошипела она.

– Ну что, идем? – вклинился в их шпионское общение парень. – А то опоздаем.

– Идем, – вздохнула Маша.

– С богом! – нервно выдохнула Катя, подняв руку для благословения, но под Машиним тяжелым взглядом от крест-

ного знамения все же воздержалась.

Маша покрутила пальцем у виска, но подруга совсем не обиделась.

До театра они шли молча. В основном из-за ветра, окончательно слетевшего с катушек и бьющего в лица прохожих бодрящим джебом. У здания цвета какао с будто бы плавающими по его поверхности зефирными колоннами они остановились. Никита достал из-за пазухи пару бумажных билетов и галантно открыл перед спутницей тяжелую деревянную дверь под стеклянным козырьком.

– Кажется, не опоздали, – нарушила тишину Маша, передавая пальто сухонькому старичку в гардеробе. Никита тоже снял плащ, оставшись в мягком синем свитере с высоким горлом и черных джинсах.

– Бинокль брать будете? – Старичок протянул пластиковый номерок с числом 84 и ожидал ответа, щурясь слезящимися глазами.

– Будем? – Никита переадресовал вопрос Маше.

Девушка в этот момент придирчиво осматривала свое отражение в зеркале и ругала себя за то, что так старательно сегодня собралась: уложила каре легкой волной, нарисовала ресницы и надела обтягивающее серое платье-футляр с игривым вырезом по плечам. Она же не думала, что ей сегодня нужно будет выглядеть как можно хуже! Оставалось лишь надеяться, что Никита, кроме своей невесты, никого вокруг не замечает и в Машу не влюбится ни в каком виде.

– Я даже не знаю, какой у нас ряд! Я же все Кате доверила, – ответила девушка. – А зря.

– Тогда берем, – решил парень.

– Молодцы! – похвалил старичок и протянул выдавший виды театральный оптический прибор. – Заберете вещи без очереди.

– Понял, – кивнул Никита и, взяв спутницу под локоть, направился в сторону толпы, осаждавшей то ли вход в партер, то ли буфет и его небольшие, задрапированные черно-белыми скатертями столики, то ли женский туалет.

– Почему посетители театра всегда ведут себя так, будто очень давно не ели и не... Ну ты понял, – Маша кивнула в сторону женской очереди.

– А еще так, как будто посещение оперы им прописал врач вместо микстуры от кашля.

– Точно. – Маша легко рассмеялась, почувствовав, как напряжение, возникшее между ней и Никитой, потихоньку отпускает.

Раздался звонок, настойчиво приглашающий всех переместиться в зрительный зал.

– У нас партер, четвертый ряд посередине, – сообщил Никита, заглянув в билеты. Он повел Машу к высоким белым дверям, по пути одаривая продавщицу буклетов с оперным либретто бумажной купюрой и кивком благодарности за проданную программку.

Уютный полукруглый зал с мягкими кожаными креслами

и синий бархатный занавес, сулящий своим открытием путешествие в очередную сказочную историю, примирили Машу с сегодняшним вечером. Она покосилась на Никиту. Парень казался полностью погруженным в изучение краткого содержания удивительной истории красавицы Изабеллы и ее возлюбленного Линдоро, и Маша вновь понадеялась на то, что Никите сегодня понравится только опера. Вскоре занавес пошел на взлет, и мысли девушки полностью захватило происходящее на сцене.

Антракт получился скомканным. Они вроде бы решили встать в очередь, в конце которой обещали гастрономическое удовольствие бутерброды с красной рыбой и воздушное безе, напоминающее пышную белую юбку счастливой невесты, и даже встали в нее. Но тут внезапно стоявший за ними полноватый паренек преподнес Маше букет желтых хризантем, явно предназначавшийся для оперной дивы, исполняющей сегодня роль Изабеллы.

– Ну что вы, не нужно, – попыталась отвертеться Маша. – Это же для актрисы!

– Вы – лучше любой актрисы, поверьте, – выдохнул девушке в лицо паренек.

– А ничего, что я здесь стою? – возмутился Никита.

– Вы мне совершенно не мешаете, – добродушно отозвался визави, продолжая благоговейно смотреть на Машу, которой пришлось-таки взять хризантемы.

– Она со мной. – Никита наклонился к молодому человеку, чтобы сказать ему это в максимальной близости от лица, – видимо, так должно было дойти быстрее.

Паренек напрягся, но продолжил улыбаться и искать Машин взгляд.

– Пойдем, пожалуйста, – попросила Никиту девушка, дернув за рукав.

Тот еще раз уничижительно посмотрел на дарителя букетов чужим спутницам и повел Машу в зал.

– Я таких наглых мужиков давно не встречал, – возмутился Никита, пока Маша спокойно листала буклет с красивыми фотографиями исполнителей главных ролей.

– А я вот все время встречаю... На. – Она отдала ему желтую цветочную композицию в шуршащей пленке.

– Что мне с этим делать?

– После спектакля подари Изабелле. Или Эльвире – кто тебе больше нравится. В любом случае этот букет должен попасть к той, кому был предназначен.

– Ладно. Слушай, а как реагируют другие твои, хм, спутники вот на таких вот внезапных дарителей цветов?

– Я стараюсь ходить в общественные места одна или с подружками, чтобы никто не нервничал.

– Ну ты даешь! А если грязно приставать начнут, подружка разве защитит?

– К счастью, все мои воздыхатели довольно тихие. Я для них что-то возвышенное, сродни произведению искусства,

меня нельзя обижать. Можно только... любить...

Маша пристально посмотрела на Никиту: понял ли? Парень тоже смотрел на нее, и в его глазах разгорался огонь. Он опалил Машины ресницы, спустился на губы, прошелся по линии плеч... Третий звонок. Маша с облегчением повернулась к сцене. Гораздо спокойнее наблюдать за оперной страстью, чем видеть ее в глазах сидящего рядом мужчины, который принадлежит другой.

Глава 5. Триумвират влюбленных. *Тогда*

Прошло три года, а Валька Арбузов так и не научился не вздыхать по Маше Ивановой. К сожалению для него, не разучились это делать и Краснов, и Богданов с Захаровым. Ситуация осложнялась еще и тем, что Арбузов ощущал, что проигрывает. Нет, Маша никому не отдавала предпочтение, да что там – она вообще не давала никакого повода для надеж-

ды. Ни с кем не гуляла, была все время занята совсем не тем, о чем постоянно думал Валя: бегала по репетиторам, готовилась к экзаменам, каталась с подружками на роликах. Никакой романтики! Ни с кем. Но когда Арбузов смотрел в зеркало, а потом – на конкурентов, к горлу подступала обида. У других парней не было таких нескладных длинных ног и россыпи розовых прыщей («один сегодня вообще на носу выскочил, гад!»), они довольно сносно играли в футбол, а Краснов так и вовсе виртуозно рассекал на дорогом, купленном родителями моноколесе.

Нет, у Вальки тоже были кое-какие преимущества. Он, в отличие от остальных, умел играть на гитаре и сочинял стихи. Однажды Маша даже согласилась послушать песню его собственного сочинения с такими словами: «Хочу раздеть тебя, как семечку, очистить, как орех от скорлупы...» Правда, она тогда сказала, что песня какая-то гастрономическая и теперь ей срочно нужно в столовку. Но все-таки Вале показалось, что в тот момент девушка немного по-другому стала относиться к нему и его творчеству.

Сегодня Арбузов чувствовал себя особенно несчастным. Потому что нужно было сдавать нормативы по физре. А Валя и физическая культура, как любил говаривать Валерий Эдуардович, физрук и обэжэшник в одном лице, – вещи несовместные.

– Приседания, три подхода по двадцать раз, – разносилось по залу грохочущее эхо зычного голоса физрука, невысоко-

го подтянутого мужчины средних лет в неизменном синем спортивном костюме и всегда чистых белых кроссовках.

– Вале-е-ерий Эдуардыч, я не знаю, как это делать! Правильно ли я ставлю ноги во время приседа? – ныл Арбузов, переминаясь с одной длинной ноги на другую.

– А ты приседай, приседай, неправильное положение ног я тебе тоже засчитаю.

– Спасибо, очень гуманно с вашей стороны... – Валя по-кузнечьи согнул ноги и ухнул вниз.

– Ладно, Арбузов, зачет, – сжалился Эдуардыч. – Переходим к подтягиваниям, – объявил он всем, и Вальке захотелось провалиться сквозь землю, точнее, сквозь прорезиненное покрытие спортивного зала.

Подтягиваться он абсолютно не умел и совершенно не хотел это всем демонстрировать. Особенно Маше. Ладно, пока она с девчонками сдавала нормативы по бегу в другой половине зала, но вдруг они закончат и придут посмотреть, как там мальчишки? А тут он... болтается на перекладине, как нескладная сосиска. Впрочем, бывают ли сосиски складными?

Олег Захаров, невысокий и спортивный, чем-то напоминающий самого Эдуардыча, подтянулся легко и играючи. Ваня Богданов из-за своей склонности к поеданию вредной еды был слегка тяжеловат, но и он справился с нормативом. Даже мажор Краснов, казавшийся далеким от излишних физических нагрузок, особенно если они не приносят осязательных

дивидендов, и то отмахал положенные пять раз. Настала очередь Арбузова. Парень схватился за холодный турник влажными от нервов пальцами и тут же слетел вниз. Это было ужасно. Но самое ужасное было в том, что девочки уже отбежали свои круги, и Иванова тоже. Она стояла рядом и смотрела на Вальку своими большими голубыми глазами то ли сочувственно, то ли подбадривающе...

– Валя, у тебя просто неправильный хват. Сейчас продемонстрирую тебе, – начал Эдуардыч. – О, Корольков, беги сюда, – неожиданно закончил физрук. Он заметил разминающегося перед пионерболом Диму из десятого «Б». – Покажи-ка салагам правильный хват на турнике.

Дима Корольков кивнул и спокойно схватился за железную перекладину. Раз-два-три... десять. – Он подтягивался так, как будто это ничего ему не стоило. Более того, как будто ритмичное перекачивание тела снизу вверх и обратно доставляло ему удовольствие и повышало настроение!

– Теперь понял? – обратился физрук к Арбузову.

– Не очень, – честно сознался парень.

– А давайте я за него норматив сдам, – весело предложил Корольков. И тут же подтянулся еще пятерку.

– Так не пойдет. У нас индивидуальный зачет, – замотал головой физрук. – Давай ты после уроков придешь и попробуешь еще раз, ладно? – обратился он к Вале.

Арбузов понуро кивнул. Одноклассники ободряюще постучали его по плечу и разбрелись по залу.

– Не расстраивайся, Валь, это же не конец света, – мягко улыбнулась однокласснику Маша. – Дима, а вы в пионербол? Можно с вами? – крикнула она Королькову.

«А вот это – конец света!» – подумалось Вале.

Но Арбузовы так просто не сдаются! Валя был уверен, что Маша – умная девчонка и не будет оценивать людей по их умению подтягиваться. Поэтому после уроков он решил дождаться одноклассницу возле школы и наконец пригласить ее на свидание. Валя сел на скамейку неподалеку. С этого места отлично просматривался школьный вход.

Весь девятый «В» уже вышел и разошелся по домам. Олеська Новикова, лучшая подруга Маши, тоже убежала со словами «Мама обещала отвести меня в ГУМ!», громко обращенными то ли во Вселенную, то ли кучке завистливых старшеклассниц из параллели. А вот той, кого он ждал, все не было видно. В ожидании Валя решил заняться делом, а именно сочинить красивый стих и посвятить его даме сердца. Первым делом нужно было подобрать рифму к ее замечательному (а главное, редкому) имени. «Маша – радость наша», «Маша – птичка наша». Нет, такое его не устраивало. Почему это «наша»? Вале хотелось бы продекламировать «моя». Но так не рифмовалось от слова «совсем». А если взять другую форму имени? «Мария – мама мия!» Лучше, но тоже не то. При чем тут «мама»? «Машечка – милашечка». Неплохо, но банально...

Наконец, он услышал ее залиvistый смех. Маша выпорхнула из школьного здания, такая яркая, легкая, волшебная! А за ней вышел десятиклассник Дима Корольков, который нес на своих мощных («качок – кабачок») плечах сразу два рюкзака – свой и Машин. «Какой мерзкий, противный, ужасный тип», – подумал Валя и вдруг выдохся, скукожился и растерял решимость. Он не нашел в себе силы подойти к Ивановой и, сделав вид, что читает учебник по истории, решил неузнанным переждать, пока одноклассница с этим «шкафом без антресоли» пройдут мимо. Но они, как назло, остановились в паре метров от него, чтобы поболтать.

– Хочу себе татуировку на плече набить, как смотришь? – спросил Димка.

– Не знаю... А какую?

– Корону черно-белую...

– Почему именно корону?

– Ну, я же Корольков. К тому же недавно КМС по плаванию получил, чем не король бассейна?

– Поздравляю, а КМС – это что?

– Кандидат в мастера спорта.

«Ты не король, ты – хурма», – злорадно подумал подслушивающий Арбузов.

– Круто, – восторженно сказала Маша. – Но насчет татуировки еще бы подумала. Это же на всю жизнь!

– Даже дольше. Татуировку ведь можно унести с собой в могилу, – подмигнул парень.

– Фу, Дим, на такие темы не шутят, – скривилась Маша, и Валя злорадно усмехнулся. – Ой, кстати о могиле. Если я через десять минут не приду к репетитору по французскому, меня закопают!

– Понял, – Дима отдал Маше ее рюкзак. – Хорошо позаниматься!

– Спасибо. Пока! – Девушка махнула рукой на прощанье и быстрым шагом направилась в сторону дома.

– Ну и за кем мы следим? – раздался над ухом Вали голос Королькова.

– Нужен ты мне! Я к докладу по истории готовлюсь.

– У тебя учебник вверх ногами!

– Бли-и-ин...

– Тебе тоже Иванова нравится? – прямым текстом спросил Корольков.

– Тоже?

– А то ты не знаешь. Я наводил справки. По ней половина твоих одноклассников сохнет.

– А ты? Тоже сохнешь?

– Не твое дело. Как Маша к тебе относится?

– Не твое дело.

Корольков вздохнул и сел рядом с Арбузовым. Положил ногу на ногу, сверху упер сложенные словно за партой руки, одна из которых, поднимаясь, придерживала подбородок, и принялся пристально изучать оппонента.

– Так мы далеко не уедем, – наконец пришел к каким-то мысленным выводам Дима. – Давай начистоту. Мне нравится Маша. Но, кажется, я ее не особо интересую. Что у тебя?

– То же самое.

– Это хорошо.

– Кому как.

– Что будешь делать?

– Добиваться.

Вале показалось, что Дима взглянул на него с уважением.

– Отличный ответ. Я, в общем, то же самое планировал делать. Так что вот мое тебе предложение. Играем в открытую и честно, без подножек.

– Не согласен! – раздался рядом мощный голос Краснова.

Он тихо подошел к ребятам и уже довольно давно слушал их разговор, все больше хмурясь и пряча опущенные уголки рта в широкий вязаный шарф болотного цвета, который он щегольски умел закручивать вокруг шеи, словно романтический герой серебряного века.

– А ты кто такой? – не понял Дима.

– Петр Краснов. Я – одноклассник Арбузова. И Ивановой, соответственно. Я не согласен с тем, что вы тут о чем-то договариваетесь без участия всех заинтересованных сторон.

– А кого еще мы должны были позвать? – удивился Валя.

– Ну, насколько я знаю, Захаров с Богдановым тоже в некотором роде... вздыхают, – определил состояние одноклассников Краснов.

– Так, – Дима встал со скамейки. – Если мы будем договариваться со всеми, кому нравится Иванова, это займет половину столетия. Если им надо будет, пусть сами подходят и договариваются. А пока мы тут втроем, и давайте пообещаем честно ухаживать за Машей, друг другу не мешать, радости ей друг о друге не говорить и еще... – Дима замялся, – Машу, чур, не целуем.

– Что-о-о? – возмутился Краснов. – С какой это стати такое ограничение?

– С такой! Девочки не такие, как парни, они по-другому устроены. С кем первым поцеловались, тот и выиграл. Понятно?

По лицам ребят Дима понял, что понятно было плохо, поэтому продолжил объяснение.

– Допустим, Маша поцеловалась со мной...

– А что сразу с тобой-то?

– Ну ладно, допустим, с ним, – Дима ткнул пальцем в Краснова. – Она не пойдет на следующий день на свидание со мной, чтобы проверить, не целуюсь ли я еще лучше. Теперь понимаете, в чем суть?

– Да! – воскликнул Валя. Ему совсем не хотелось, чтобы ушлый Краснов или этот здоровенный Корольков нагло поцеловали Машу и не дали ему, с детства, по словам мамы, весьма застенчивому, никаких шансов. – Договорились, не целуем!

– И морды не бьем, если что, – дополнил Корольков.

– Ты хочешь сказать, не бьешь? – усмехнулся Валя. – Я-то вряд ли тебя одолею.

– А кто вас, боевых кузнечиков-гитаристов, знает, – хотнул Дима.

Валя протянул Диме руку.

– А если она сама? – вдруг спросил он.

– Что?

– Маша сама кого-нибудь из нас поцелует?

– Ну, тогда мы молча порадуемся за счастливого и тихо отойдем в сторонку, – твердо сказал Дима. – Договор?

– Договор.

Дима пожал протянутую Валею ладонь.

– Так и быть, – согласился Краснов и тоже поочередно пожал руки соперникам.

Глава 6. Неожиданное признание. *Сейчас*

Мама поставила яркую соломенную сумку с украшением в виде синего якоря на большой, выдавший виды из многих окон разнородного транспорта чемодан.

– Я готова, – провозгласила она и присела «на дорожку», облокотившись на подлокотник зеленого кресла в гостиной.

– Вызываю такси, – отрапортовал папа.

– Присядь, – мама похлопала по второму подлокотнику.

– Ох уж эти твои суеверия, – проворчал папа, но послушно выполнил мамину просьбу.

Маша смотрела на этих двух любимых и любящих людей и была за них ужасно счастлива. Мама и папа были вместе уже так много лет, но совместный отдых для них до сих пор оставался желанным праздником. Мама давно хотела на море и вот, наконец, убедила папу, что больше жить в надвигающихся сумерках, слякоти и дефиците витамина D просто невозможно. Нужно сделать перерыв. Хотя бы на десять дней и девять ночей! Папа долго не возражал. Он, признаться, и сам недолюбливал осень, особенно когда она переходила из стадии «золотая» в стадию «сопливая».

– Я буду скучать! – пропищала Маша и обняла каждого по очереди, а потом притянула обоих к себе, заставив подняться с подлокотников и тесно прижаться «в кучку».

– И мы, – мама расчувствовалась, но быстро собралась. – Учись хорошо, если что – пиши.

– Ладно.

Маша поплелась вслед за родителями в прихожую.

– Я оставил ключи от машины на своей тумбочке в спальне. Захочешь покататься – лучше позвони дяде Игорю, он посидит рядом в качестве инструктора, – сказал папа.

– Нет, спасибо, – усмехнулась Маша. – Я лучше на метро!

– Цветы не забудешь поливать? – то ли спросила, то ли попросила мама.

– Не забуду, – пообещала Маша и чуть не подпрыгнула от громкого заливистого звонка мобильного. – Блин, опять, – недовольно проворчала девушка и сбросила.

– Кто это? Почему не хочешь говорить? – насторожилась мама.

– Да это спамеры надоедливые, опять банковские услуги будут предлагать, – отмахнулась Маша.

Мама кивнула, чмокнула дочь в щеку и исчезла за дверью.

– Если спамер Никита еще раз позвонит, ты все-таки ответь ему, – подмигнул Маше папа. Кажется, он успел разглядеть высветившееся на экране Машиного смартфона имя звонившего. – Парни обычно в состоянии услышать отказ и даже, правда не все, адекватно принять его.

– Спасибо, папа, я поняла. Хорошего отдыха. – Маша встала на цыпочки и поцеловала щетинистую щеку отца.

– Нет, ну надо же! Они никак не угомонятся, – мама с возмущенным видом показала на пороге.

– Что случилось? – поспешил к ней папа.

– А вот, полюбуйтесь!

Маша вслед за родителями вышла на площадку возле их квартиры. У входной двери поверх всех надписей на стене, испещренной маркерными признаниями Машиных достоинств и обожженной любовным пылом спичечных фраз, не менявших своего содержания со времен Ромео и Джульетты, красовались свежие буквы.

– «Лублу девачку из етой кавартиры», – прочел Анатолий

Борисович. – Ты должна быть снисходительна к его русско-
му, он недавно приехал, – обратился папа к дочери.

– Кто? – не поняла Маша.

– Имронбек, наш новый дворник.

Маша схватилась за голову.

– Когда же это кончится?

– Наслаждайся вниманием, пока замуж не... – мама поко-
силась на папу. – Пока можешь!

– А мы полетим наслаждаться теплым прибоем и холод-
ным пивом, – папа подтолкнул маму к лифту. – Шевелись,
«девушка из этой кавартиры», а то опоздаем.

Маша помахала счастливым отпускникам и вернулась до-
мой. Телефон тут же пиликнул. «Почему не отвечаешь? Я соскучился», – прочла она сообщение от Никиты. Следом
прилетело еще одно: «Очень».

Маша прекрасно понимала, что уже давно пора что-то
предпринять. То, ради чего Катя затеяла весь этот любовный
аттракцион, свершилось: Никита не устоял. Нужно было со-
общить однокурснице об этом факте и... И что? Вариантов
развития событий прослеживалось как минимум два: Маше
выцарапывают глаза или Никите выдергивают кадык. А мо-
жет, и то и другое одновременно. Что совсем не утешало.

Нет, конечно, Маша лукавила даже перед самой собой.
Она знала способ, который мог спасти и ее голубые очи,
и острый кадык горе-жениха от столь ужасных последствий
флирта, и даже, возможно, вернуть пару Кати и Никиты

под венец. Но отчего-то девушка ужасно боялась прибегать к этому средству. Хотя, казалось бы, ну что такого? Подумаешь, один обычный, ничего не значащий...

Заверещал громкий дверной звонок. «Неужели что-то забыли? Вот растеряхи!» – Маша поспешила открыть.

– Ты почему не отзываешься? – Никита провел пятерней по волосам и устало улыбнулся. В целом он выглядел неплохо, если бы не синие круги под глазами.

«Не спал, что ли, совсем?» – сокрушенно подумала Маша, но не смогла заставить себя вытолкнуть парня за дверь.

– Машка... – выдохнул он, скользя по ее лицу взглядом и по-дурацки улыбаясь, словно путник в пустыне, не верящий своему счастью, что источник чистой, прохладной, свежей воды впереди – не мираж.

– Я уже много лет как Машка, – попыталась она разрядить обстановку, но получилось только хуже. – Проходи, чаю выпьем.

– Нет, нет, давай на нейтральной территории. – Никита взял ее за руку и потянул к выходу из квартиры.

– Погоди! – вырвалась Маша, – дай хоть пальто с сапогами натянуть!

До Никитино авто добежали вприпрыжку – на улице неожиданно зарядил дождь, а они оба были без зонтов.

– Ну и в какой мы ресторан в таком виде? – смеясь, сокрушалась Маша, глядя на свои слипшиеся от воды пряди, мокрое пальто и забрызганные грязью сапоги. – Может, вер-

немся, а? У меня и мед есть. Любишь чай с медом?

– Нам. Надо. Быть. На людях, – максимально четко обозначил свою позицию Никита. – Неужели не понимаешь?

– Если честно, не очень.

– Я боюсь не сдержаться... – Парень сказал это очень тихо и уставился на свои побелевшие пальцы, крепко сжимающие руль.

Маша застыла. Кажется, на Никиту ее дар подействовал не совсем так, как на остальных. Катин жених не просто любит и восхищается ею как произведением искусства или возвышенной феей, он ее хочет! Понимание окатило холодом по спине.

– Тогда поехали скорее, – выдохнула она.

Парню не нужно было повторять дважды. Он нажал на газ.

В ресторане по просьбе Никиты их усадили за центральный стол. Вокруг было столько любопытных глаз, что он точно не решился бы наброситься на свою все еще слегка мокрую и озябшую и от этого выглядящую еще более трепетно и маняще спутницу с поцелуями.

– Нравится тут?

– Немного не по себе от количества народа вокруг, я обычно сажусь к окну или в уголок, но в целом довольно уютно, – одобрила Маша.

– Выбрала что-нибудь?

– Я не голодная. Можно, возьму штрудель с кофе, и все?

– Как пожелаешь. Я тоже не особо, – парень захлопнул меню.

– Нет, ты поешь, – неожиданно скомандовала девушка. – У тебя изможденный вид, – пояснила она.

Никита послушно заново открыл картонную папку с перечислением блюд.

– Мне филе лосося с картофельным пюре, – озвучил он заказ подошедшему официанту в фирменном черном костюме, который, впрочем, смотрел только на Машу.

– И штрудель с кофе, – пропищала та, заметив интерес к себе.

– Кофе будет в подарок, – улыбнулся официант.

– Спасибо.

– Идите уже, – не выдержал Никита.

Парень в черном костюме неприязненно покосился на нервного спутника очаровательной девушки, но промолчал и удалился выполнять заказ.

– Это ведь то же самое, что в театре, да?

– Что именно?

– Они на тебя западают.

– Да. И не только они.

– Ты все про меня поняла, да?

– Ну, в принципе, это по взгляду видно. Но это плохая идея, Никита, я тебе сразу говорю.

– Я все понимаю... Я и Катя... Мы поженимся. Наверное.

– Эй, эй, никаких «наверное»!

– Я теперь не уверен, что хочу этого.

– Хочешь, хочешь. Просто не осознаешь.

Официант поставил перед Машей большую чашку ароматного капучино и горячий, посыпанный невесомой сахарной пудрой, штрудель с яблочной начинкой.

– Приятного аппетита!

– А когда лосось будет готов? – уточнил Никита.

– Ждите, – огрызнулся парень и, бросив пылкий взгляд на Машу, исчез.

– То есть ты хочешь сказать, что я – как они? – скривился Никита. – Не осознаю, что со мной происходит, просто втрескался – и все?

– Типа того. Это не зависит ни от меня, ни от тебя. Такая вот особенность...

– Это магия?

– Только не объявляй меня ведьмой, пожалуйста, и не разводи костер посреди ресторана! Но в целом да, тут что-то нечисто.

– Это навсегда? Как они потом живут? Ну, те, кто втрескался, а ты поела, например, в их ресторане и ушла.

– Думаю, это выветривается со временем.

– Значит, мне нужно какое-то время тебя не видеть и это пройдет само?

– Возможно. И чем меньше мы общаемся, тем быстрее пройдет.

– Угу. – Никита принялся задумчиво жевать принесенное

ему блюдо. – А если я не хочу?

– Что? Лосось невкусный?

– Не хочу, чтобы прошло! – поднял он на нее слегка безумный взгляд. – Мне нравится любить тебя, мечтать о нас! Мне нравится то, как колотится мое сердце, когда подаю я тебе руку или беру под локоть. Мне нравится надеяться, что однажды ты тоже что-то почувствуешь ко мне.

У Маши затряслись руки и пересохли губы. «Облизывать нельзя, – подумала она. – Иначе даже куча свидетелей его не сдержит».

– Ответь что-нибудь, – попросил Никита, когда пауза затянулась.

– Мне очень стыдно перед Катей, но твои слова мне приятны, – медленно начала Маша, решившись вслух произнести то, что чувствовала.

Никита тронул ее руку, лежащую на столе, ободряюще сжал своей теплой ладонью.

– Мне приятно, что симпатичный парень говорит мне такое... Но это не любовь, понимаешь? И даже не симпатия. Тебе нужно вернуться к невесте и забыть обо мне.

Никита отпустил ее запястье, которое до этого нежно поглаживал большим пальцем. Маша сразу почувствовала холод и судорожно сцепила пальцы обеих рук.

– Что ж... Попробуем.

– Что?

– Не видеть тебя.

Никита резко поднялся, бросил на стол купюру, кратно превосходящую счет за съеденное, и, не оборачиваясь, вышел под дождь. Маша не смогла сдержать слез, глядя на его удаляющуюся фигуру, а потом и вовсе уронила голову на руки.

– Не переживайте, – услышала она вкрадчивый голос официанта. – Сколько у вас еще таких будет!

– Да, к сожалению... – ответила девушка, всхлипнув.

Глава 7. Свидание в кино. *Тогда*

Краснов подждал Машу на Трубниковском возле дома Людмилы Георгиевны, к которой, как он выяснил, одноклассница ходила по пятницам, чтобы заниматься дополнительно. Несмотря на то что стояли уже довольно теплые весенние деньки, парень продрог за те полчаса, что провел возле подъезда довольно старого, но симпатичного желтого дома с белыми наличниками и выдающейся вперед балюстрадой, поддерживаемой надежными кронштейнами, будто со-

бранными в гармошку. Петя уже успел пересчитать все окна на четырех этажах. Эту привычку – считать окна – он перенял у мамы. Та, куда бы ни шла, обожала глазеть по сторонам и считать, считать, считать... Когда все было посчитано по третьему разу, Петя начал разглядывать круглое окно над дверью подъезда, из которого на него, словно пассажир каюты круизного лайнера, лениво смотрел большой рыжий кот. Парень показал ему язык, что, впрочем, совершенно не смутило пушистого жильца.

Наконец, железная дверь подъезда с трудом открылась, и Петя увидел русые косы, закрученные вокруг головы, длинную челку, спадающую на глаза, белый шарф и красное пальто. Сердце парня подпрыгнуло и замерло. Маша выпорхнула на улицу и, размахивая папкой с тетрадками, направилась в сторону дома.

– Иванова! – окликнул ее Петя.

Маша остановилась и развернулась на плоских каблуках грубых черных ботинок, которые ужасно не шли ее тонким щиколоткам. Однако такие мелочи никак не портили общее впечатление от внешнего вида девушки в глазах Краснова. Он, как обычно, был очарован.

– Петя? Ты чего здесь? Тоже с Людмилой занимаешься?

– Нет, тебя жду.

– Не смешно!

– А я серьезно. Вот, – Петя вытащил из кармана два небольших бумажных квадратика.

– Что это?

– Билеты в кино. Про супергероев. Начало через сорок минут. Сходишь со мной?

– Ой, я слышала про этот фильм. Там будут все самые крутые парни: и с молотом, и со щитом.

– Ага, так что, идем?

Маша в задумчивости замахала папкой с тетрадками туда-сюда, туда-сюда. Потом тряхнула длинной челкой.

– Нет, не могу. Мне же еще уроки делать! И родители меня дома ждут.

– Ну так позвони им.

Маша поколебалась, но все же набрала номер мамы. Рассказав про внезапное приглашение в кино от Краснова и заверив, что домашки немного и она успеет сделать ее после похода в кинотеатр, девушка окончила разговор и ошеломленно вытаращилась на Петю.

– Мама разрешила!

– Супер. – Краснов аккуратно забрал у Маши из рук папку и, посмотрев на экран смартфона, сообщил: – Такси приедет через две минуты.

– Ого! Мы на такси?

– Конечно, ты же со мной.

Маша улыбнулась уголками губ, подумав о том, что Краснов все-таки «понторез». До кинотеатра – рукой подать, две остановки на автобусе, который ходит довольно часто, а он решил шикануть.

– Ты что, вообще на такие расстояния пешком не передвигаешься?

– Почему это? Передвигаюсь! И пешком, и на автобусе. Просто сейчас...

– Что? Понтануться захотелось перед девушкой? – хитро прищурилась Маша.

– И это тоже. Но вообще-то я, пока тебя ждал, жутко продрог. – Для убедительности парень даже клацнул зубами.

– Ой, Петь, прости, я не подумала. – Маше стало неловко за свои мысли об однокласснике. – Скорее бы уже такси приехало!

В автомобиле Петька, наконец, согрелся и расслабился. Самая важная часть дела сделана: Машу он встретил и даже уговорил сходить вместе в кино. Парень перевел взгляд на спутницу. Та смотрела в окно с таким интересом, будто не по знакомому с детства району перемещалась, а путешествовала по экзотической стране или декорациям к фантастическому фильму. Она тоже согрелась в такси, ее щеки зарумянились, придав лицу свежий и еще более прекрасный вид. Петька вздохнул.

– Чего вздыхаешь, как больной слон? – Машка оторвалась от созерцания заоконных пейзажей и повернулась к Краснову.

– Учиться надоело, – соврал он о причине своих вздохов. – Домашку делать, к репетиторам ходить.

– Ничего, еще два с половиной класса – и мы студенты.

Или ты в колледж после девятого?

– Да ты что? Меня предки закопают, если я в МГИМО не поступлю.

Маша присвистнула.

– Серьезная заявка на успех!

– А то! И им наплевать, чего я сам хочу.

– А чего ты хочешь?

– Я живу ради трех слов, – улыбнулся Петя и продолжил после вопросительного взгляда девушки: – Завтра. Будет. Суббота.

Маша искренне рассмеялась и показала большой палец вверх.

– Выходить собираетесь? – нервно пробасил таксист. Оказывается, они уже пару минут как подъехали к кинотеатру.

– Ой, конечно, спасибо! – пискнула Маша.

– До свидания, – попрощался Краснов, поспешив вылезти и обогнуть такси, чтобы подать руку девушке.

Петя пошел вперед, прокладывая своей спутнице путь ко входу в здание кинотеатра сквозь немалое скопление людей, собирающихся группами и парами в ожидании опаздывающих к началу сеанса. Впереди уже маячили стеклянные двери, когда Маша вдруг вскрикнула. Краснов обернулся. Девушка стояла на тротуаре и обреченно осматривала свое пальто, весь подол которого был вымазан в черной грязи.

– Что случилось? – Петя подбежал и стал ее тщательно осматривать. Маша молча показала налево, где по вело-

рожке от них быстро удалялся юнец на двухколесном скакуне.

– Он тебя из лужи окатил?

– Ну да... Прямо на пальто грязью... Как думаешь, она лечебная?

– Вот на нем и проверим, – махнул Краснов в сторону велосипедиста. – А ну стой! – заорал парень и рванул с места, как заправский спринтер.

– Петя, Петя, не надо! – попыталась остановить друга Маша. Но он ее не слушал.

Через пару минут перед девушкой уже стояли одноклассник и мальчишка лет десяти. Одной рукой пацан придерживал свой велосипед, а второй – растирал красное ухо, за которое Краснов его хорошенько оттаскал.

– Извиняйся давай, – приказал Петя. – И быстро. Мы в кино опаздываем.

– Извините, – промямлил парнишка.

– Я больше так не буду, – подсказал Краснов.

– Я больше так не буду.

– Ладно, Петь, хватит. Он все понял, – сжалилась Маша.

– Понял? – уточнил парень у пацана. Тот быстро закивал в знак согласия.

– Ладно, езжай. Но чтобы больше не гнал по лужам рядом с пешеходами!

Пацан снова кивнул, оседлал велосипед и поехал прочь. Надо сказать, и правда довольно аккуратно.

– Идем? – Петя протянул Маше руку. Он твердо решил, что больше не отпустит ее, пока не посадит на место в зале кинотеатра, а то вдруг эта особа еще в какие-то неприятности вляпается!

– Идем. Только у меня вид так себе, – вздохнула девушка, пытаясь ногтями отскрести грязные брызги, застывшие на подоле пальто.

– Там темно, никто и не заметит, – подмигнул Петя.

– А ты?

– Я? Я ничего не вижу! – Петя даже закрыл глаза и для убедительности начал шарить вокруг руками, изображая слепого.

Маша улыбнулась и, подхватив «слепого» под локоть, повела к дверям киноцентра.

Попкорн и напитки они купить не успели – сразу побежали в нужный зал, где уже царила кромешная тьма, прерываемая вспышками света от рекламируемых фильмов.

– Петь, дай руку, пожалуйста, я ужасно боюсь ходить по лестницам в темноте, – шепнула Маша.

Краснов молча взял ее ладошку и бережно повел за собой. Конечно же, на последний ряд.

Фильм оказался довольно коротким – всего-то три часа! «Надо было Машу на «Войну и мир» Бондарчука вести. Старое, зато такое длинное кино», – подумал Петя, вспомнив, как родители в целях внедрения в ребенка общего советско-

го культурного кода включали ему это эпичное шестичасовое произведение. И без всякого там попкорна!

– Тебе понравился фильм? – поинтересовался он у Маши.

– Честно?

– Конечно. Я точно не обижусь, не я ж его снял.

– Наши старые фильмы мне нравятся больше.

Петя мысленно хлопнул себя по лбу, еще раз вспомнив про «Войну и мир». И с надеждой спросил:

– Какие, например?

– Например, про Ихтиандра. Там такой актер красивый играет...

– А «красивый» – это какой?

– Не знаю.

– А ты подумай.

– Хм. – Маша закатила глаза в поисках ответа от Вселенной. – Это смешно, наверное, но мне у него профиль нравится, нос такой прямой, аристократический...

– А как тебе мой профиль? – Петя повернулся к ней боком. – Не менее аристократический вроде бы?

– По-моему, ты слишком задираешь нос.

– А так? – парень чуть наклонил голову.

– Я вообще-то в переносном смысле, – хмыкнула девушка.

– Эх, Маша, не дождешься от тебя комплимента. Пойдем домой пешком, а? Я тебя провожу.

– Что, деньги на такси кончились?

– Нет, просто на машине слишком быстро.

– Мне еще уроки делать, помнишь?

– Точно, – вздохнул Петя. – Тогда вызываю такси... Диктуй свой адрес.

Краснов вернулся домой в прекрасном расположении духа. Маше вечер точно понравился, она долго и от чистого сердца благодарила его за приглашение, когда они стояли возле ее подъезда. Пете ужасно хотелось поговорить с Машей еще. Или просто погулять по улицам вместе, даже молча. Но пришлось отпустить.

– Явился! – Петин папа в строгом офисном костюме (видимо, только недавно вернулся с работы) вышел в прихожую. – И где ты был?

– В кино, – парню был непонятен недоброжелательный тон отца.

– А должен был быть у репетитора! Вадим Иванович позвонил и сказал, что ты к нему не приходил. А деньги на занятие мы тебе давали.

Петя опустил голову. Он напрочь забыл про сегодняшнего репетитора по английскому. Да что говорить, он в последнее время вообще обо все забыл. Кроме Маши.

– Сынок, я понимаю, что тебе сейчас очень сложно. И учеба, и гормоны, – мама заняла сторону «хорошего полицейского». – Но экзамены – это очень важно. Это твое будущее. В кино ты сможешь и после окончания школы сходить сколько хочешь раз! А поступить в хороший вуз шанс выпадает,

может быть, вообще один раз в жизни! Понимаешь?

Она обняла сына за плечи. Добрые теплые мамины руки, как всегда, успокоили его. От мамы пахло хлебом и, немного, луком. Петя мечтательно подумал о сытном ужине и горячем чае с медом.

– Что ты с ним нянчишься? – Папа вырвал сына из гастрономических грез, никак не желая отступать от роли «плохого полицейского». – Никаких свиданок вместо репетитора, понял? Иначе не будет у тебя ни компьютера, ни прочих гаджетов, ни карманных денег. Ясно?

Петя в ужасе уставился на отца.

– Это для твоего же блага. – Мама погладила сына по густой кудрявой шевелюре.

Петя вырвался из ее объятий и молча направился в свою комнату.

– Повторяю: никаких свиданок! – прогремел вслед голос отца.

– Да понял я! – огрызнулся парень и с силой захлопнул дверь.

Глава 8. Свидание в зоопарке. *Тогда*

Уже давно стемнело. По потолку то и дело пробегали беспокойные полосы – следы от фар проезжавших внизу автомобилей. Дима не мог уснуть. Столько событий произошло сегодня: пионербол с Машей, разговор с ее одноклассниками, провал на тренировке по плаванию... Дима перевернулся на другой бок. Как тут уснуть? Овцы в его голове уже дав-

но закончились, уступив место слонам. Но тщательный пересчет и этих милых добродушных животных не помогал. Дима чувствовал, что не справится в одиночку, поэтому встал с постели и тихо, чтобы не скрипнуть половицей, побрел в сторону родительской спальни.

Он шел по стеночке – не хотел включать свет в квартире, чтобы не разбудить отца, который наверняка видел уже четвертый сон. А вот мама, он знал, сейчас наверняка не спит. Она по странному стечению обстоятельств была единственной совой в их семействе жаворонков. От этого и сама она мучилась, и мучился папа, в последнее время спавший в гостиной. Сергей Евгеньевич Корольков ушел спать на диван не потому, что его отношения с его женой, Маргаритой Львовной, стали более холодными. Наоборот – это был жест любящего мужчины, отдавшего спальню обожаемой жене, которая ну никак не могла заставить себя уснуть хотя бы в половине двенадцатого!

– Мам, спишь? – спросил Дима шепотом.

– Конечно нет, родной. Что-то случилось? – Мама приподнялась на локтях и, положив томик Есенина на прикроватную тумбочку рядом с небольшой ночной лампой под белым пластиковым абажуром, похлопала ладонью по кровати рядом с собой.

– Знаешь, – Димка сел на край кровати и начал подбирать слова. Потом плюнул и выдохнул как есть: – Мне кажется, я влюбился.

– Это хорошо. – Мама еле заметно улыбнулась. – И, кажется, не в первый раз. Помнишь Зою из третьего «Г»? А потом была, кажется, Наташа? В пятом?

– Понимаешь, на этот раз все как-то по-другому...

Мама пригляделась к сыну повнимательнее. Похоже, действительно что-то серьезное – вон как в нижнюю губу зубами впился. Волнение Димы всегда можно было считать по тому, кусает он губы или нет.

– Что с тобой происходит? – заинтересовалась мама. – Можешь описать?

– Ну, это странное ощущение, как будто весь мир сосредоточился на одном человеке. Все мысли постоянно возвращаются к ней. Я на уроке сижу, думаю: «а в каком кабинете сейчас Машин класс учится?» Плыву в бассейне – думаю: «а что сейчас Маша делает?» Ну, и так далее...

– Тебе это неприятно?

– Наоборот! Я как будто проснулся в солнечное утро, под одеялом тепло, никуда идти не надо, и мне так хорошо!

– Но, наверное, все-таки тебя что-то беспокоит, раз ты ко мне посреди ночи пришел?

– Я хотел спросить, тебе Семен Александрович не звонил?

– А что? – напряглась мама, услышав имя и отчество Диминого тренера по плаванию.

– Сегодня был контрольный заплыв.

– И?

– Тридцать две секунды...

Мама присвистнула.

– Полтинник? Брассом?

Димка грустно кивнул.

– Так тебя могут и из секции выгнать...

Димка кивнул еще раз.

– И о чем ты только думаешь?!

– О Маше...

– Тогда у меня только один совет: действуй. Нужно перевести отношения из мечтательной фазы в более практическую плоскость. Вот тогда сможешь сосредоточиться и на других вещах.

– И как это сделать, ну, в смысле, перевести в другую плоскость?

– Как обычно. Оказывать знаки внимания, водить на свидания, дарить цветы и подарки. Ничего не меняется из века в век!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.